

Я.У. Астафьев

НАУЧНЫЕ КАРТИНЫ МИРА, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Астафьев Янис Уддисович — научный сотрудник Института социологии РАН.

Корень проблем, с которыми сталкивается сегодня наше общество, многие склонны видеть в специфической российской ментальности, в особенностях формирования отечественной «культурной матрицы». Известно, однако, что если не принимать во внимание только лишь весьма узкую и политически злободневную проблематику консерватизма или реформизма, то многие социальные явления гораздо эффективнее анализировать методом синхронии, а не диахронии. Одним из важнейших концептуальных результатов исследований французской школы «Анналов» в области «глобальной истории» был вывод о глубокой взаимообусловленности определенных секторов, сфер жизни общества, существующих одновременно, хотя зачастую и удаленных в пространстве [1]. Причем эти взаимосвязи и вытекающие из них аналогии прослеживаются и в материальной культуре, и в особенностях функционирования социальных институтов, и в специфике взаимоотношений субъектов, и в духовной сфере. В этом плане наше сегодняшнее общество в своих основных параметрах, в разнообразных аспектах повседневного существования людей оказывается гораздо ближе к современным западным обществам, нежели к России XVIII—XIX вв. и даже СССР первой половины XX века. Отсюда наши нынешние проблемы — соответствующего, конечно, уровня, фундаментальных структур и отношений — можно рассматривать и анализировать в контексте общей европейской культуры, в рамках единой перспективы ее развития и изменения.

Социальная политика современных развитых стран, стран, принадлежащих к западной культурной традиции, формировалась в течение сравнительно недолгого, но чрезвычайно динамичного периода. Каждый этап этого процесса накладывал на неё свой отпечаток в виде определенных вполне эффективно работающих социальных, экономических и политических институтов. Кроме того, как известно, на каждом этапе формирования социальная политика развитых стран обычно подкреплялась авторитетом науки. Поскольку же различным эпохам были присущи разные взгляды на науку, различные способы построения знания (см. работы М.Фуко, Т.Куна, П.Фейерабенда, С.Тулмина и др), в определенный период времени выделялась специфическая научная область, которая считалась современниками ведущей. Именно в ней совершались важнейшие открытия, именно она привлекала наиболее сильные и перспективные умы. Эта область науки оказывала самое непосредственное влияние на современную ей социальную политику. Она определяла манеру восприятия общества, давала ту совокупность идей, понятий и взаимосвязанных метафор, которые, в конечном счете, её обуславливали и направляли.

В своих основных параметрах современный общественный строй развитых стран сформировался на рубеже XVII — XVIII вв. Именно тогда широко распространились те институты, которые сегодня позволяют функционировать обществам как единым организмам. Сформировались все эти учреждения и механизмы, конечно же, не спонтанно. Они были объектом целенаправленной социальной политики властителей, которые опирались на соответствующие представления об обществе. Источником этих представлений явился так называемый классический взгляд на мир.

Как известно, классическими принято считать взгляды и научные склонности Декарта, Лейбница, Ньютона, Локка, Вольтера, просветителей и энциклопедистов. При всей своей разноплановости и противоречивости их представления, полагает М.Фуко, объединяются определенным историческим априори, «тем, что называют умственным развитием или "рамками мышления" данной эпохи, если под этим нужно понимать исторический характер спекулятивных интересов, верований или основополагающих теоретических воззрений [2]. Для классического априори характерно представление о наличии единых законов, механизмов устройства общества, природы, вселенной. Эти законы могут быть полностью определены, четко и детально описаны, поскольку это законы, описывающие условия существования видимых, зримых предметов и их сочленений с другими предметами. Наличие зримости как возможности представления в сознании любой вещи, любого признака (ср. "простые идеи" Локка) обуславливало возможность создания адекватного предметам языка описания. В русле этих представлений лежали идеи о создании универсального языка как «универсальной характеристики, посредством которой прекрасно упорядочиваются понятия и все вещи, посредством которой различные нации могут сообщать друг другу свои мысли и с помощью которой то, что написано одним, мог бы каждый читать на своем языке» [3]. В роли такого языка предлагалась широко популярная в то время «универсальная грамматика», или же всеобщая таксономия, которую Линней предполагал обнаружить во всех конкретных областях природы или общества. Но в наибольшей степени для неё подходила наука наук классической эпохи — математика. Математика привлекала своей строгостью, ясностью, однозначностью, возможностью обьять буквально все, наконец, своей экономичностью, тем, что все разнообразие может быть произведено из весьма скромного набора чисел и способов их упорядочивания [4]. На основе математики была разработана механистическая картина мира, тип рациональности которой был положен в основу социальной политики той эпохи. С середины XVII века механицизм начинает доминировать в философии. Он становится излюбленной метафорой природы, что находит свое зримое воплощение в создании знаменитых «театров машин» — сборников конструкций и механизмов и автоматов — механических подобий людей и животных. Самый известный из создателей автоматов, Жак Вокансон, которому покровительствовал Людовик XV, начинал свою карьеру в салоне парижского мецената Ле Риш де ла Пуплиньер, где бывали Вольтер, герцог Ришелье и др. В 1738 году здесь был выставлен на всеобщее обозрение автомат «Игрок на флейте». «Эта "безделица", — пишет М.Ямпольский, — восхищала не только своей красотой. Каждый из посетителей салона — философ, художник, биолог, композитор — видел в ней беспримерное воплощение фундаментальных для их сфер принципов» [5].

В социальной сфере классическая картина мира и идеи механицизма наиболее полно воплотились в концепции регулярного, «полицейского» государства. Основной её чертой являлось стремление к рациональному устройству социальной, экономической и политической жизни государства. «"Полицейиз", — отмечал Г.Флоровский, — есть замысел построить и "регулярно сочинять" всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя, ради его собственной и ради "общей пользы" или "общего блага"» [6].

Из этого замысла исходило учение камералистики, преподававшееся еще в средневековых университетах, но окончательно сформировавшееся лишь в Германии в XVII веке. Камералистика представляла собой особого рода науку о финансах, экономике и управлении. Она относилась к ведению «камерального» (дворцового и в широком смысле государственного) хозяйства. Суть этого учения заключалась в построении системы управления на основе четкого бюрократического начала, при котором структура аппарата создавалась по функциональному принципу, а сферы власти отчетливо разделялись. Единство иерархической структуры аппарата сочеталось с единством обязанностей, штатов, оплаты труда чиновников. Все это, как и функционирование учреждений, подвергалось строгой регламентации с помощью разнообразных уставов и инструкций.

Ориентируясь на образец математического языка, система камералистики попыталась разработать свой язык. Это был язык права, и его систематизированное содержание составляли своды законов. Предполагалось, что своды законов полно и методически отражат

отношения между людьми и между человеком и материальным миром [7].

Типичным олицетворением идей полицеиза и применением учения камералистики стало просвещенное абсолютистское государство XVII—XVIII веков. В своих основных формах оно строго следовало метафоре механизма. Все его части существовали и функционировали во имя целого, каждой надлежало выполнять определенную задачу и вносить свой вклад в процветание общества. Для этого вводились централизация управления, единство системы учреждений, однообразное административное деление и детальная регламентация законом устройства и деятельности органов управления. Именно в это время появляются и широко распространяются такие уже привычные нам явления, как государственная бюрократия в современном смысле, полиция, система транспортного сообщения, почта, здравоохранение как сеть медицинских учреждений, печать, регулярная армия и флот. Под знаком стремления создать принципиально новую систему упорядочивания общественных отношений осуществляется кодификация права. Повсеместно производятся картографирование местности, геологические исследования природных ресурсов. Идея общей пользы во имя общего блага охватывает буквально все стороны социального бытия, в том числе промышленность, торговлю, науки и искусства. Впервые государство начинает широко поддерживать и целенаправленно развивать определенные, наиболее полезные сферы производства, проводить политику меркантилизма в торговле, то есть вывоза из страны товаров и привлечения в неё капиталов с целью дальнейшего роста производства и увеличения общественного богатства. В передовых странах того времени, возникает и находит свое воплощение идея организованной, коллективной, государственной науки, призванной приносить непосредственную пользу обществу. В Англии в 1660—1662 гг. учреждается Королевское общество, научная программа которого предполагала «развивать путем опытов естествознание и полезные искусства, мануфактуры, практическую механику, машины, изобретения» [8]. Вслед за этим на рубеже веков в различных частях Европы, в том числе и в России, возникают Академии наук с аналогичными целями и задачами.

В области социальной политики абсолютистское государство действовало как организатор общества, как механизм мобилизации всевозможных его ресурсов. Понятно, что при данном типе социальных отношений нужды в инициативе снизу, исходящей от масс населения или же отдельных его групп, не возникало. С точки зрения идеологов просвещенного абсолютизма общество само по себе воспринималось как аморфная совокупность единиц. Поэтому неслучайна широкая распространенность статистики в то время, прежде всего у представителей школы «политической арифметики» в Англии, а также у их коллег во Франции, Германии и Италии [9]. На первом плане социальной политики было население, которое нуждалось не только в интеграции, но и улучшении. В связи с этим стояла задача улучшения «здоровья нации», для решения которой, как указывает М.Фуко, «создавались такие социально-терапевтические механизмы, как изоляция больных, наблюдения над распространением инфекций, изоляция преступников. Элиминируются жестокие элементы социальной политики (публичные пытки и наказание преступников), которые заменяются методами асептики — криминологией, евгеникой и содержанием в карантине "дегенератов"» [10].

Подобное умонастроение и социальная политика, однако, постепенно приходили в противоречие с вызванными ими к жизни социально-политическими и экономическими явлениями. Идея регулярного государства — просвещенного абсолютизма изначально содержала в себе неразрешимый конфликт между целями и средствами их достижения: идеалом социального консенсуса ("общего блага"), — с одной стороны, и наличием принуждения — армии, бюрократии и полиции — с другой. Кроме того, с идеями тотальной регулярности резко контрастировала сама установка на развитие всех сфер жизни, на раскрытие творческих сил нации. Но концепция полицеиза и лежащая в её основе классическая картина мира подрывалась не только, и даже не столько этим. XVIII век — век все возрастающего интереса к миру живых существ, век постепенного вызревания новой «царицы наук» — биологии.

Интерес к миру живых существ был вызван самым широким числом факторов. В это время резко расширяются географические рамки присутствия европейской цивилизации. Новые территории осваивают не только завоеватели и торговцы, но и путешественники — ученые,

исследователи. Они привозят разнообразные материалы, и в первую очередь по флоре и фауне, причем привозят в таком количестве, что это моментально сказывается во всех областях знания. По всем слоям европейской культурной жизни волной проходят преобразования. «Приток новых, чужестранных растений, — пишет К.А.Свасьян, — культивация картофеля и табака, знакомство с экзотическими видами животного мира бесповоротно снесли старый, средиземноморский авторитет Плиния и Теофраста, отвердевших в веках в исключительную догму. Возникла новая культура — зоологических музеев и ботанических садов» [11].

Как и многое другое, новое понимание первоначально осуществлялось в форме, типичной для классической картины мира — форме естественной истории. Естественная история представляла собой науку о признаках, выражающих непрерывность и схожесть природы. Для естественноисторических атласов была характерна эмпирическая наглядность, стремление увидеть вещь как она есть, вне её интерпретации. В то же время эта наука не разделяла механистического взгляда на мир. «Возникновение в классическую эпоху естественной истории, — пишет Фуко, — не является прямым или косвенным следствием переноса рациональности, сложившейся в иной области (в геометрии или механике)» [2]. Она представляет собой иное образование, связанное с иным взглядом на мир. Наиболее показательным в этом плане монументальное произведение эпохи — «Естественная история» Бюффона.

Бюффон отбрасывал то, что вызывало восхищение многих современников и подпитывало классический взгляд на мир, — концепцию совершенства природы. Он иронизировал над теориями типа «теологии насекомых», поскольку считал, что существование аномальных существ призывает нас к отказу от представления о конечных причинах совершенства природы. Бюффон подчеркивал, что ученый должен вести наблюдения без заранее заданной системы. Именно поэтому он не принимал классификацию своего великого предшественника Линнея, ибо тот стремился располагать растения и живые существа в определенном порядке, в то время как природа, по мнению французского ученого, обладает бесконечным разнообразием. Предмет науки — это «как» и «что» вещей, но не их «почему».

«Естественная история» Бюффона знаменовала собой поворот к новой, реалистической парадигме. Конец XVIII в. характеризуется наступлением реализма во всех областях науки. Классическая парадигма наглядного представления неизменных законов природы постепенно сменяется парадигмой препарирования, анатомирования и непосредственного проникновения в тайны природы, минуя спекуляции и всевозможные классификации. В социальном отношении это означало приход на сцену нового объекта и субъекта социальной политики — отдельного человека, индивида. Бюффон писал: «в природе реально существуют лишь особи, а роды, отряды, классы существуют только в нашем воображении». Аналогично этому широко утверждается либеральная, индивидуалистическая доктрина, где человек выступает как существующий до общества, как атомарная, самостоятельная и самодостаточная субстанция. В отношении него имела место лишь одна ценность — свобода, которая понималась как легитимация права индивида на частную жизнь, собственность, свое видение мира. Индивидуальная свобода, как полагал Дж.С.Милль и другие либералы, приоритетна по отношению к любым другим политическим благам [12]. Данная точка зрения обуславливала представление об относительности любых порожденных разумом истин. В этом плане либерализм специфическим образом отождествлялся с эмпирической наукой как таковой. Впоследствии Бертран Рассел, много размышлявший о судьбах научного мировоззрения, писал, что оно «есть интеллектуальный эквивалент того, что в практической сфере зовется либерализмом».

Если доктрину регулярного государства разрабатывали придворные философы для просвещенных монархов, то либерализма — интеллектуалы среднего класса для промышленников, владельцев земельных участков и торговцев — в общем всех тех, кто был непосредственно, в качестве свободных участников втянут в стихию капиталистической экономики. Людвиг фон Мизес писал: «Общество, в котором действуют либеральные принципы, обычно называется капиталистическим, а условия существования в нем — капитализмом» [13]. Либерализм утверждал, что природа человека — свободный производящий труд, направленный на

удовлетворение эгоистических потребностей, и предоставить его этой своей природе — стихии свободного рынка в экономике и буржуазному парламентаризму в политике — лучшее, что можно сделать в этом мире. Соответственно, в области социальной политики утверждалась идея, что общественные отношения не умещаются в пределах нашего знания и нашего восприятия, они могут мыслиться лишь как «открытые», регулируемые невидимой человеку рукой [14].

Как и идея регулярного государства, либеральная идея несла в себе серьезные противоречия. Прежде всего «открытые» структуры — свобода предпринимательства и свободный рынок, могли развиваться лишь при наличии «закрытых» структур и институтов, созданных регулярным государством — устойчивой сети банков и денежного обращения, транспорта, почты, права и т.д., то есть структур «закрытого» типа. В то же время из онтологического индивидуализма неизбежно следует моральный и политический индивидуализм — только интересы реальных людей имеют значение, интересы же фикций, вроде общества и государства — фиктивны.

Более важным противоречием, затрагивающим собственно социальные отношения, являлось то, что отношение к человеку как самодостаточному индивиду, как к цели, а не средству, не могло сочетаться с эгоизмом потребностей, с использованием людей как средства его удовлетворения. Тем более что либерализм с его установкой на относительность любых точек зрения и взглядов на мир оказывался внутренне противоречив, возводя в абсолютную ценность интересы отдельного человека, его свободу и рыночную стихию.

Итак, XIX век начинался и шел под знаком реального, биологически-либерального взгляда на мир, взгляда на него как на самодостаточный и саморазвивающийся. Торжествовала стихия, которую исследовали сугубо эмпирическими методами и в которой существовали практически, производя что-либо, обменивая и потребляя. Главным объектом социальной политики выступал человек как таковой, который одновременно являлся человеком биологическим и homo economicus'om. Тем не менее, уже в середине столетия обозначились контуры новой парадигмы.

Происходившее можно обозначить как постепенный рост значимости культурной сферы по сравнению с естественнонаучной. На смену эпохе реализма и эмпиризма пришла гуманитарная эпоха. Вместо факта существенным становится интерес человека, формируемый определенным сообществом, или, как тогда предпочитали говорить, склонность или тенденция. В связи с этим быстро развиваются гуманитарные и общественные науки, самостоятельное значение приобретают экономика и социология. Формируется языкознание и литературоведение, в особую дисциплину выделяется в середине XIX века этнография.

Подобный сдвиг вел в конечном счете к проникновению гуманитарной картины мира в естественнонаучную и к существенным переменам в восприятии характера самого научного познания. Все больше крепло убеждение, что опыт, эмпирический факт — это прежде всего определенный способ его добывания, за которым стоит конкретная традиция, конкретное мнение определенной группы. Данный феномен Маркс обобщил понятием идеология; Карл Мангейм ввел это понятие в методологию науки. Таким образом, если во времена Лейбница и Линнея считалось, что в науках содержится ровно столько собственно науки, сколько в них есть математики и геометрии, а во времена Бюффона — сколько эмпирики и практики, то уже в конце XIX — первой половине XX века сформировалось твердое, хотя и зачастую скрываемое убеждение, что «ядром» науки является идеология.

Вместе с проблематикой «идеологической размерности сознания» (М.К.Мамардашвили) в науку вошли категории цели и ценности. В классической и реалистической картинах мира эти категории были выведены за пределы теоретического разума («примечательно, — пишет П.П.Гайденко, — что категория цели не попала у Канта в число категорий рассудка: это свидетельство победы естественнонаучного мышления в его теоретической философии [15]»); в гуманитарной же они вновь вернулись в него. Тем самым наука получила телеологическое измерение и по сути дела отождествилась с метафизикой.

В социальной сфере это означало широкое распространение марксистских взглядов на общество как на идеологически

сформированную иллюзию, своего рода «химеру сознания». Социальный мир строится посредством работы представлений, утверждает П.Бурдьё [16], которые, будучи достаточно эгоцентрированными и однородными образованиями, стремятся перекрывать и подавлять друг друга. Понимание социального пространства есть его структурирование, разметка и классификация, что в свою очередь выступает как действие по сохранению и трансформации мира, осуществляемое в борьбе с таксономиями других субъектов, и следовательно, есть действие по навязыванию своего мира другим. В этом плане «социальный мир есть, используя знаменитое выражение Шопенгауэра, "воля и представление". Представление в психологическом смысле, но также и в театральном и политическом смыслах», — пишет Бурдьё [17].

Развитие социальной науки было связано с появлением еще в XIX веке на политическом горизонте Европы и Соединенных Штатов т.н. «социальных» вопросов и необходимостью разработки «социальной» или «социалистической» политики. «Эта связь настолько очевидна, — указывает Бурдьё, — что долгое время ...социология ассоциировалась с социализмом» [18]. Некоторые её представители стали претендовать на роль преобразователей общества в интересах большинства. Но тем самым она выступила «служанкой идеологии», интеллектуально обосновывая мнения определенных групп и помогая проводить их в жизнь.

В XX веке эти взгляды стали основой социальной политики самых различных социальных и политических систем. Гуманитарная точка зрения выступала катализатором революций, гражданских и мировых войны, геноцида больших социальных и этнических групп. Но она также явилась фундаментом, на котором стало строиться рабочее и профсоюзное движение, движение за равные гражданские права социально репрессированных групп и т.п. После второй мировой войны стала утверждаться и институционально оформляться концепция «социального государства» — государства, претендующего на роль некоего органа, учитывающего интересы всех субъектов и социальных групп и потому имеющего консенсусную легитимность [19].

Гуманитарная картина мира была весьма действенной в условиях относительно единого, целостного общества, где эффективно действовали институты регулярного государства и ограничивалась роль свободного предпринимательства. Во второй половине XX века, однако, общества развитых стран все меньше поддаются описанию в системных терминах, скажем структурного функционализма. На месте некогда сравнительно упорядоченных отношений постепенно возникают и все больше распространяются конгломераты автономных и самодостаточных сообществ, к которым может быть применен термин корпоративные. Интерпретируя в современном значении этот один из ключевых терминов итальянского фашизма, Ф.Ферраротти под данными сообществами понимает замкнутые общественные группы, «плавающие» во враждебном им мире. Они используют технологии высокого уровня, но ориентированы исключительно на потребление, ничего не давая взамен. Корпоративные структуры не считаются ни с какими границами — ни с этическими, ни с правовыми. Все подчинено цели удовлетворения желаний, расширения сферы своего влияния, повышения собственной значимости и власти [20].

Очевидно, что в таких условиях теоретические обобщения и фундаментальные исследования становятся невозможны, — поскольку общество практически перестало быть местом существования общезначимых явлений — будь то деньги, власть, авторитет, знание. На месте же постепенно утрачивающей свой престиж гуманитарной картины мира все больше утверждается маргинализм.

Под маргинализмом мы будем понимать точку зрения, интерпретирующую знание сквозь призму пограничных, находящихся на стыке нескольких дисциплин, областей, где наряду с признанными методиками разрабатываются и нетрадиционные, зачастую экстремальные, подходы.

Как известно, последние 15—20 лет в развитых странах проходят под знаком роста значимости двух маргинальных для науки направлений. С одной стороны, это разнообразные паранаучные спекуляции, имеющие значительную личностно-творческую окраску. Они касаются пограничных состояний социальных отношений, человеческой психики и разнообразных систем физических упражнений. Трактуют эти феномены как кардинальные для человеческого существования, они строят картину мира, где правят

подспудные и не всегда позитивные силы, где человек одновременно является их творцом и проводником. Толчок этому направлению был дан в начале XX века фрейдизмом. Впитав некоторые идеи марксизма, оно вылилось в такие дисциплины, как шизоанализ Ж.Делёза и Ф.Гваттари, деконструкционизм Ж.Деррида, П.де Мана и др., археология и генеалогия власти М.Фуко. Эти деятельности нельзя назвать науками в строгом смысле слова, поскольку их существование основано исключительно на личностях их авторов, в них важен стиль, почерк, а не факт или даже идея. К ним примыкают такие неакадемические сферы знания, как астрология, дисциплины мистико-эзотерической традиции (К.Кастанеда и др.).

С другой стороны, резко возрастает важность конкретных практик, которые уже не являются собственно научными, поскольку применяются в самых различных сферах общества, но тем не менее происходят из науки и выступают необходимым средством получения знания. К их числу в первую очередь относятся информационные технологии. В настоящее время обширные области человеческой деятельности подчинены созданию некоей информации. Широкое развитие коммуникационных технологий и распространение по всему земному шару продуктов масс-медиа породили новые секторы индустрии и потребления [21]. Мир информации становится привычным: получить, передать, обработать информацию — ежедневное дело многих представителей развитых стран. Этот мир приобретает черты «государства в государстве» — со своими управлением, базами, способами защиты, преступностью [22].

При всей своей непохожести у маргинальных спекуляций и информационных технологий много общего. Работая с ними, человек всегда включается внутрь всего происходящего, но не на манер подчиненного механизма, а со-творца определенного рода реальности. В этом плане он и не автономен, но и не полностью включен в неё. Он находится где-то в промежуточном состоянии, там, где степень его свободы и может быть окончательно установлена. Это — свобода субъекта, находящегося в диалоге с системой, будь то спекулятивная концепция своей сложной и намеренно запутанной структурой, или набор компьютерных программ. В обоих случаях человек никогда не имеет дело сразу со всей совокупностью конструкций и структур, но лишь с некоторой, весьма небольшой их частью. Он изначально не может охватить одним взглядом весь объём информации, с которым взаимодействует. Многие, очень многое ему приходится принимать на веру. Ю. Хабермас назвал это «новой непрозрачностью», отмечая в этом существенный отход от просвещенческого разума, на котором довольно долго держалось здание науки нового времени.

Маргиналистская социальная политика строится на сомнении в авторитете любых обобщений — от государственных до корпоративных, от великих идей и этических течений до правил поведения за столом. Это политика воспроизводства децентрализованных, аморфных социальных образований. В этом плане маргинальное приобретает равные права на существование с основным. Как отмечает Ж.Ф. Лиотар, по своим кардинальным характеристикам подобное состояние аналогично первобытности, язычеству [23].

Современный человек, как и его архаический предок, вновь не ощущает устойчивой почвы под ногами. Мир снова локально враждебен ему. Как и в примитивном состоянии, человек больше не может ощущать себя автономным. Ему реально приходится молиться самым разным богам, ибо мир оказывается чересчур многоликим, чтобы выступать в одной перспективе, и слишком непонятным, загадочным.

Но, конечно же, от первобытного человека современный язычник отличается чрезвычайной изощренностью в манипулировании самими разнообразными средствами существования, и прежде всего информацией. Он имеет возможность досконально просчитать локальную стратегию поведения и вывести свой оптимум.

Характерной чертой современной общественной науки является ее все более осознаваемый и утверждаемый отказ от того, чтобы быть средством какой бы то ни было социальной политики. Она противопоставляет себя формам обществоведения, обслуживающим в настоящее время корпоративные структуры. В лице этих форм она создает себе «образ врага», от которого стремится дистанцироваться. Как отмечает З. Бауман [24], новейшая социология желает коренным образом порвать с тем положением, когда исследователь встаёт на сторону власти, разделяет ее

взгляд на мир и становится ее профессиональным защитником и проводником. В этой роли традиционный социолог неизбежно вынужден критиковать все неподконтрольные власти маргинальные явления и предлагать средства для их «исправления». Для публики же это преподносится как деятельность по рациональному переустройству общества с целью достижения истинной свободы человека. В области методологии это вело к тому, что совершенно исключительное и первоочередное внимание придавалось ясности понятий и концепций, границ их применения, устранению любых двусмысленностей. Считалось, что многозначность в теории неизбежно вела на практике к расширению маргинальных сфер и зон и, следовательно, к ослаблению самой власти.

Напротив, новейшая социология стремится разработать интеллектуальные средства, позволяющие маргиналиям самостоятельно существовать, быть самодостаточными, то есть не зависеть от власти. Эти средства прямо противоположны в методологическом отношении средствам традиционного обществоведения. Новейшую социологию не занимают больше проблемы ясности понятий и границ применения концепций. Она стремится к тому, чтобы разработать как можно больше интерпретаций объекта — вариантов его понимания, осмысления [25]. Соответственно, новейшая социология строится как бесконечная череда вариаций по поводу самого социологического знания [26]. Эти вариации направлены на то, чтобы обнаружить присутствие в социальном знании «того содержания, которое оттеснялось, подавлялось, затушевывалось ради стройности представления "основной", "центральной" мысли». Тем самым постмодернистская социология становится принципиально неотличимой, например, от новейших форм текстологии, исследований в области дискурса власти. И не случайно последняя цитата взята нами из описания метода деконструкции Ж. Деррида [27], применяемого французским ученым при исследовании философских и литературных сочинений.

Лишаясь своего традиционного объекта, точнее фундаментально трансформируя его, новейшая социология лишает себя и права на исполнение любого социального заказа. Она не имеет оснований влиять на социальные и политические условия существования людей и общественных групп. То, что в ней разрабатывается, должно иметь только внутридисциплинарное применение. Оно предназначено лишь для увеличения знания о знании, наращивания слоя социологической культуры самих исследователей.

Социальная динамика, изменчивость современных обществ интересна тем, что новое, как бы оно того ни желало, не может полностью порвать со старым. Оно его не отменяет, но, скорее, наслаивается, или, еще точнее, вживляется в старое и совместно существует вместе с ним. Современное общество, как уже говорилось, возникло при переходе к новому времени. Его основной структурой, несущей конструкцией остаются институты, сформированные социальной политикой регулярного государства. Это не только такие широко подвергающиеся сегодня нападкам «атавизмы» прежних эпох, как государство, армия, единое законодательство, налоговая система, но и привычные нам институты образования, транспорта, финансов. Именно они создают каркас — необходимое условие существования — для всех социальных форм. В их рамках существуют продукты либеральных форм социальной политики — институты представительной демократии, парламентаризма, институты частной собственности и капиталистического предпринимательства, свободный рынок. Но на них также наслаиваются элементы, производные от гуманитарной точки зрения: организации, защищающие интересы и отстаивающие права тех или иных социальных групп — партии, профсоюзы, институты социальных программ и социальных работников и др. Наконец, все большую роль приобретают маргинальные элементы — структуры воспроизводства децентрализованных, аморфных образований, построенных на информационной, коммуникативной основе.

Все эти структуры и элементы находятся в тесных, хотя и непростых взаимоотношениях друг с другом. Таким образом, современные общества демонстрирует торжество принципа дополнительности. Именно посредством утверждения в жизни этого принципа современные общества оказались необычайно гибкими и адаптирующимися к изменениям. В них выявился огромный запас потенциалов, обуславливающих их необычайную живучесть в исторической перспективе, позволявших сравнительно быстро переходить от демократии к авторитаризму и обратно без разрушения и

глубокого видоизменения основных, базовых элементов и структур. Эта социальная дополнительность на феноменальном уровне выражает состояние современного научного знания, в котором актуально присутствуют и элементы классической картины и методы реального, эмпирического направления, и гуманитарные ценности и цели, и маргинальные структуры производства, передачи информации и способы обращения с ней. Нынешнее направление развития знания идет в сторону актуализации всех его пластов и сфер, их задействования в институтах науки и социальной политики.

Литература

- 1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1-3. М., 1986-1992.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С.225.
3. Лейбниц Г.В. Соч. Т.3. М, 1984. С.412.
4. Лейбниц Г.В. Тайна творения// Историко-философский ежегодник. 1991. М., 1991. С.185-189.
5. Ямпольский М. «Неоконченная пьеса для механического пианино»//Декоративное искусство СССР. С.25
6. Флоренский Г. Пути русскаго богословия. Париж, YMCA-press, 1937. С.83.
7. Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской Империи. Лондон, 1990. С.43.
8. Просветительское движение в Англии. М., 1991. С.74.
9. Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып.1. М., 1989. С.257.
10. Foucault M. Power/Knowledge. New York, 1980. P.55.
11. Свасьян К.А. Гёте. М., 1989. С.108.
12. Gray J. Liberalisms: Essays in political philosophy. London: Routledge, 1991. P.217.
13. Mises L.von. Liberalism in the classical tradition. San Francisco: Cobden Press, 1985. P. 10.
14. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М., 1992. С.29.
15. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). М, 1987. С.431.
16. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т.1. N 1. С.20.
17. Bourdieu P. In other words: Essays towards a reflexive sociology. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 1990. P.53.
18. Бурдьё П. Социальная политика. М: Социо-логос, 1993.
19. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М, 1992. С.95 и след.
20. Ferrarotti F. Five scenarios for the year 2000. New York, 1986.
21. European youth and new technologies. Vienna, 1991.P.2.
22. Nora P., Mine A. L'Informatisation de la Societe. Paris, 1978.
23. Lyotard J.-F, Thebaud J.-L. Just Gaming. Minneapolis, 1985. P. 16.
24. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. Т.2. N 2.
25. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984.
26. Астафьев Я.У. Постмодернизм в познании общества // Политические исследования. 1992. N 3. С.67-68.
27. Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма // Вопросы философии. 1993. N 3. С.40.